



1

Громкий Голос называл его *Пёс*.

Или *Сосунок*.

Или *Дворняга*.

Но чаще всего *Пёс*.

Едва *Пёс* слышал, как ботинки *Громкого Голоса* тяжело топают вниз по лестнице, или едва чуял его противный запах, как прятался подальше от двери — забивался поглубже в меховую кучу, которая шевелилась. Куча эта была его сестрёнками и братишками. Вот *Пёс* и прятался среди них — среди зубов и когтей, под шерстяными животиками и виляющими хвостами.

Но только не рядом с *Кусакой*. *Кусака* только и знал что пускать в ход зубы. Нет, он не прихватывал слегка, игриво, как остальные малыши. Он вцеплялся изо всех сил, так что *Пёс*

визжал и скулил от боли. И это было *ужасно*. Иногда Мамуля бережно брала Кусаку за шкуру и отодвигала подальше от остальных — за *ужасное поведение*. Но Кусака вскоре возвращался.

Пёс быстро сообразил, как избавиться от укусов. Стоило Кусаке приблизиться, Пёс утыкался носом прямо в ухо братцу и громко лаял: *тяв! тяв! тяв!*

Всего три раза тьякнешь в самое ухо Кусаке — и у того сразу кружится голова и он принимается бегать кругами, а потом бух — и засыпает.

Когда Пёс впервые придумал этот фокус, Мамуля как раз вылизывала его. Это было *здорово*.

А в дверь то и дело входили *чужие люди*. Они являлись посмотреть на щенков. На одежде и обуви они приносили всякие запахи из *снаружи*. Мамуля объясняла малышам, какой запах что означает. Объясняла урчанием и лаем. И ещё вылизывала их. Это тоже помогало понять про *незнакомые запахи*.

Вот так пахнет *трава*.

А вот так пахнет *дождь*.

Когда чужой человек из *снаружи* показывал на какого-нибудь из братцев и сестричек Пса, то Громкий Голос вынимал этого щенка из корзины. Чужие вручали Громкому Голосу какие-то *шуршащие бумажки* и уносили щенка — насовсем. Пёс от этого ужасно печалился. Он не хотел расставаться с Мамулей, как прочие братцы и сестрички. Поэтому, когда приходили чужие, он прятался.

Мамуля обнюхивала его и сразу понимала — малыш печалится. И говорила, чтобы не грустил.



«Не печалься, — повторяла она. — Настанет день, и придёт твой *мальчик* или твоя *девочка*. Придёт тот Человек, который тебе предназначен. Он заберёт тебя в *снаружу*. Там чудесно. Там самое лучшее, о чём только может мечтать пёс».

Пёс не очень утешался. Может, его личный человек и окажется очень-очень хорошим, но ведь Пёс всё равно будет тосковать по Мамуле. И всё-таки у Пса появилась надежда. Теперь, когда из *снаружи* приходили чужие люди, он больше не прятался. Раз Мамуля говорит, что где-то есть подходящий человек, значит, он и правда существует. Он придёт и заберёт Пса в *снаружу*.

Попозже Пса начали выносить за дверь, но недалеко — всего лишь во двор. И ненадолго — пока Громкий Голос наводил в доме порядок щётками и швабрами. Двор был выложен плоскими камнями, а сквозь трещины в них кое-где пробивались редкие травинки. Был во дворе и цветок в горшке, но его сжевал Кусака. Псу ужасно хотелось повидать *настоящую* *снаружу*, чудесную и удивительную, за пределами



двора. Правда, он всё ещё побаивался людей, но знал: они-то и заберут его в большой мир. Поэтому, когда они приходили заглянуть в корзину, Пёс больше не прятался в меховую кучу.



Вскоре в корзине при Мамуле их осталось всего двое: Кусака и сам Пёс. Маленькие люди наклонялись над корзиной и показывали на Кусаку, но он всегда старался цапнуть их. А они ведь не знали ловкий фокус Пса и потому роняли Кусаку обратно в корзину.

Однажды, когда в окно светило яркое утреннее *солнышко*, посмотреть щенков пришли двое — Он и Она. Она показала на Пса.

Громкий Голос протянул за ним руку, и Пёс очень испугался. Но с гостями Громкий Голос *притворялся* добрым и милым.

Притворство воняло, как пригорелые объедки, которые Громкий Голос иногда вываливал щенкам в миски. Сейчас он бережно вынул Пса из корзинки и протянул даме.

От неё пахло вроде как *цветами*, а вовсе не пригорелыми объедками. Пёс с надеждой подумал: если меня заберут эти люди, то всё будет *прекрасно*.

Но вскоре он выяснил, что всё окажется вовсе не *прекрасно*.

А совсем, совсем *ужасно*.



2

Она посадила Пса в *тёмный ящик*. Сбоку у ящика были дырки, а на дне солома — подстилка. Но ящик оказался такой тесный, что даже крошечному щенку было не вытянуть лапы.

«Ужасно», — подумал Пёс. Но потом ящик вынесли вон из дома, туда, где начиналась *снаружа*, и в нос щенку ударили запахи целого мира.

О, эти *запахи!*

Их было так много, что Пёс сморщил нос и расчихался.

Они были такие сильные, что Пёс почувствовал их на языке и облизнулся.

Щенок пришёл в такой восторг, что залился лаем — и лаял и лаял, пока спутник не стукнул по ящику так, что у Пса зазвенело в голове. Тогда Пёс умолк.